

Воспоминания, интервью, анкеты

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Ленин и кино — По личным воспоминаниям

Владимир Ильич придавал огромнейшее значение пропаганде среди широких масс не только политических и социальных идей, но и (всевозможных культурных, научных, антирелигиозных производственных и проч. т. п. знаний и достижений. Для этого он не жалел ни сил, ни средств. Самым главным примером в этой деятельности служил он сам, всегда откликаясь на бесконечное количество просьб выступить то тут, то там среди рабочих, или крестьян, или красноармейцев. Надо изумляться, как он находил еще силы и возможность отдавать такого рода деятельности время, когда, казалось, решительно все 24 часа у него были расписаны на важнейшие и неотложнейшие нужды политической, общественной и государственной деятельности. И только особой важностью этой работы можно объяснить, почему он не щадил своих сил на это дело. Когда с ним приходилось говорить по этим вопросам, то он всегда интересовался, что делают в этих областях другие ответственные товарищи и если приходилось ему рассказывать какой-нибудь план письменной работы, он почти всегда задавал вопрос: «а не попробуете ли вы изложить все то, что говорите, помимо книги, еще на собраниях рабочих? Это очень полезно, прежде всего, для вас самих и даст вам проверку — насколько вы охватили этот предмет, насколько понятно его излагаете. После таких лекций вы сами увидите, что многое вам придется дописать и изменить».

Точно так же относился он к популярной книге и брошюре. Он требовал всегда четкого письма, тщательной отделки, сжатости, отсутствия иностранных слов, полной понятности для самой простой аудитории. Ему всегда представлялось, что такого рода книжки и брошюры должны распространяться или за счет государства или за счет партии в огромнейших, колоссальнейших размерах,

чтобы они заносились в самые отдаленнейшие непросвещенные уголки нашего Союза. Примером этого может служить личное участие Владимира Ильича, мне известное, в распространении трех брошюр. Еще при Керенском¹ издана была его брошюра «Политические партии в России и задачи пролетариата», которую он сначала хотел изобразить в виде большой таблицы для наклейки на заборах, афишных столбах, досках для реклам и проч., а потом, когда эта работа разрослась — ее пришлось в вопросах и ответах издать отдельной брошюрой. Он тщательно следил, чтобы она была популярно изложена, просто говорила о политических признаках, особенностях, отличиях различных политических партий и распространялась бы как можно шире, как можно дальше в самую простую среду.

Другой раз, где особенно сильно Владимир Ильич принимал участие в распространении книжечки, — это был опубликованный, им лично написанный и прочитанный «Декрет о земле», который был мною отпечатан в огромнейшем количестве экземпляров отдельной брошюрой и раздавался через красноармейцев, рабочих и крестьян везде и всюду. Владимир Ильич сам следил за этим, ежедневно спрашивая меня, кому и сколько удалось раздать, куда отправили для распространения в провинцию, при чем он требовал оправку, не лежит ли в провинции эта книжка где-нибудь на полке, или под прилавком и раздается ли она непосредственно в руки трудящимся? Третья книжечка также заслужила особое внимание Владимира Ильича. Это была книжка о «Продналоге» с подробным объяснением его значения, размера и необходимости. Эта брошюра была отпечатана в количестве 100 000 экземпляров и также всюду и везде раздавалась под непосредственным наблюдением Владимира Ильича. Вот это постоянное стремление довести нужные политические, общественные или государственные сведения до широких масс, (это постоянное желание Владимира Ильича просветить самые широкие массы, дав им как можно более знаний (вспомним желание Владимира Ильича издать «Историю Французской революции» П. А. Крапоткина² в количестве 100 000 экземпляров для бесплатного распространения за государственный счет и раздачи во все библиотеки и читальни, какие только имелись у нас в то время в СССР) — объясняет нам, почему Владимир Ильич, в самые трудные годы жизни нашего Союза, когда, казалось, не хватало ни хлеба, ни одежды, ни топлива, все время отстаивал существование театров и требовал, чтобы театры были, чтобы они давали как можно больше художественной полезной пищи рабочим, крестьянским и красноармейским массам.

Этим самым можно объяснить то внимание, которое уделял Владимир Ильич и кинематографу.

Еще давно до революции, будучи за границей, Владимир Ильич часто посещал кино. И мне вспоминается его разговор с А. А. Богдановым³ в Куоккала, когда он жил в Финляндии вместе с Богдановым на одной даче. А. А. Богданов сильно увлекался кино и придавал ему огромное значение в культурной работе для просвещения масс. И вот однажды, вернувшись из Петербурга, не помню по какому-то случаю, Александр Александрович очень увлекательно стал рассказывать о том, какое колоссальное значение имеет уже теперь и будет иметь еще больше кино в области пропаганды научно-просветительных идей для борьбы со всевозможными предрассудками масс, для их просвещения и воспитания. Владимир Ильич чутко прислушивался к разговору, быстро присоединился к нему и стал проводить мысль, что кино, до тех пор, пока оно находится в руках пошлых спекулянтов, приносит больше зла, чем пользы, нередко развращая массы отвратительным содержанием пьес. Но что, конечно, когда массы овладеют кино и когда оно будет в руках настоящих деятелей социалистической культуры, то оно явится одним из могущественнейших средств просвещения массив 1907 г., когда был этот разговор Владимира Ильича, революция в России шла на убыль и все наши наилучшие пожелания оставались втуне, так как борьба была закончена поражением пролетариата. Но вот, когда пришли новые времена, когда грянула новая революция и Владимир Ильич после февраля был уже в России, то частенько и до Октября он возвращался в разговорах к этой теме. Мне вспоминаются его беседы на эту тему в Финляндии, когда он отдыхал у меня на даче⁴. Как-то зашел вопрос о сельском хозяйстве и Владимир, Ильич стал подробно рассказывать что он видел за границей великолепные фильмы, изображавшие жизнь различных мест Западной Европы и особенно Америки⁵, где, с целью наживы и рекламной пропаганды сельскохозяйственных орудий, большие фирмы, производящие их, не скупятся расходовать громадные средства для организации показа сельскохозяйственного производства на лучших тракторах, лучшими земледельческими орудиями в сельскохозяйственных латифундиях Северной Америки и Канады.

Владимир Ильич также рассказал о том, что ему приходилось видеть великолепно поставленные фильмы по естествознанию, например, картины тщательного знакомства с природной жизнью диких зверей и птиц, где с величайшей умелостью английские наблюдатели природы организуют съемку жизни диких животных и птиц в том естественном виде, как оно есть на самом деле, и что

он видел эти фильмы, показывающие природу, не в однотонном и однокрасочном эффекте, а на экране проходят перед зрителями все те естественные богатые краски, которыми изобилуют пейзажи дикой природы с ее естественными обитателями и что такие фильмы, по его наблюдению, производили громадное впечатление на зрителей. Вот эти фильмы, сопряженные с лекциями, были бы в высшей степени полезны и занимательны для мало подготовленного зрителя и для его развития.

После Октябрьской революции, по всевозможным случаям мне неоднократно приходилось присутствовать при разговорах Владимира Ильича, связанных с кино. И он всегда высказывался за то, чтобы совершенно изгнать из репертуара наших кинематографов ту пошлость, которая стала обильным потоком приходиться к нам из-за границы, где мещанские вкусы преобладают, где всякая сантиментальная гнусность успокаивает зрителя и отдаляет от злободневности, от политической жизни страны.

— Неужели у нас нет сил изобразить нашу революционную борьбу настоящего и революционную борьбу прошлого и различные другие исторические моменты или разработать всевозможные сюжеты для борьбы с религией, где не нужно никакого издевательства, а нужен только правильный естественно-научный подход?

Владимир Ильич всегда спрашивал: снимают ли кино-ленты, когда вскрывают мощи различных святых?

Показать то, чем были набиты попами эти чучела, показать, что покоилось, какие именно «святости» в этих богатых раках, к чему так много веков с благоговением относился народ и за что так умело стригли шерсть с простолюдина служители алтаря — этого одного достаточно, чтобы оттолкнуть от религии сотни тысяч лиц, — не раз говорил Владимир Ильич.

Владимир Ильич потребовал дать ему эти фотографические снимки и он оставался ими весьма удовлетворен. Я лично показывал ему фотографии из кино-ленты, заснятой во время вскрытия мощей в Троице-Сергиевской лавре⁶.

Постановка фильма «Бронцосец Потемкин»⁷ — вот это именно и есть одна из тех постановок, о которых так постоянно мечтал и на которых так постоянно настаивал Владимир Ильич и надо сожалеть, что он не мог ее увидеть.

Сам Владимир Ильич относился к съемкам кино, которым он не однажды подвергался, весьма терпеливо и добродушно. В одной из таких съемок мне пришлось участвовать самым близким образом.

Когда он стал поправляться после своего ранения 30 августа 1918 г. и когда доктора разрешили ему выйти на двор, мне пока-

залось необходимым заснять Владимира Ильича и показать его на многочисленных рабочих собраниях. Я сказал ему, что подготавливается съемка во время его прогулки по Кремлю в первый хороший солнечный день. И действительно, когда выдался прекрасный осенний лучистый день, кинооператор выехал в Кремль в условленный час и я попросил Владимира Ильича пойти пройтись по Кремлю. Сначала он не очень хотел это сделать, так как был увлечен какой-то текущей работой.

— Ну, зачем вам эта самая съемка? Меня и так бесконечное количество раз снимали...

— Но вас еще не видели рабочие после того, как вы встали с постели и хотя в газетах пишут о вас много, но рабочие желают вас видеть своими глазами. Ведь вы же не в состоянии сейчас, да и доктора вам не позволят, выходить на трибуну для произнесения речи? Вам лучше будет показаться на экране и все будут довольны...

— Да, доктора не позволят, они очень строги ко мне, — и огорчительно и одобрительно произнес Владимир Ильич и тихонько засмеялся. — Ну, что же, пойдете...

Мы пошли.

Владимир Ильич шел скорой походкой. Я старался замедлять ее, так как знал, что ему скоро итти по лестнице еще очень вредно. Но он не слушался и мы очень быстро выпали в подъезд Управления Делами. Я хотел, чтобы он пошел один и стал отходить в сторону, так как цель моя была, чтобы Владимир Ильич сейчас же был заснят кино-оператором, но Владимир Ильич запротестовал:

— Это вы куда же, батенька, удираете? — обратился он ко мне. — Нет, гулять, так гулять вместе, — и он сам подошел ко мне.

Мы пошли по Кремлю. Аппарат защелкал, запечатлевая эту первую прогулку Владимира Ильича после его страшной болезни.

Мне очень хотелось, чтобы оператор снял одного Владимира Ильича, что мне и удалось сделать, как в начале съемки, так и в 4-м плане в 4-й позе. Когда я намеренно замедлял шаг, Владимир Ильич мне говорил: «Что же вы отстаете? Разве я так скоро иду?» Я не сказал ему. моего тайного желания. Будучи в очень оживленном настроении, радуясь на хорошую, бодрящую, теплую солнечную осень, Владимир Ильич охотно отзывался на мои рассказы о различных сообщениях, происшествиях и проч. из жизни рабочих кварталов и фронта. Мне не хотелось расстраивать прогулки, так как он сейчас же бы ушел, если бы заметил, что его специально снимают и я, избегая ответа, почему я отстаю, продолжал делать свое дело и Владимира Ильича несколько раз удалось снять совершенно одного.

Когда мы гуляли по Кремлю, встречались несколько раз случайные прохожие, которые с удивлением смотрели на Владимира Ильича, оборачивались, точно не веря своим глазам, что тот, который был так смертельно ранен, опять на ногах, опять свеж и бодр, опять заразительно смеется, ходит быстро, так же, как и раньше. Наконец, съемка окончилась и Владимир Ильич, поговорив несколько минут с оператором и упрекнув его в том, что он вместо 10 минут продержал его на прогулке час десять минут, пошел назад в Управление. Немного продрогнув, так как все-таки была осень, а он ни за что не соглашался, как я ему ни предлагал, когда мы шли на прогулку, надеть пальто, он, войдя в парадное крыльцо, быстро стал подниматься через ступеньку вверх по лестнице.

— Пожалуй, вам не следует так торопиться, — сказал я ему.

— Почему? — ответил он, — я не инвалид и никакой слабости не чувствую.

Но я все-таки заметил, что он запыхался, когда мы поднялись к дверям Совнаркома и он, медленно переводя дух, вошел к себе в кабинет.

Во второй печальной съемке Владимира Ильича мне также пришлось принимать участие: в траурные дни его похорон⁸. Когда он лежал в Доме Союзов, когда бесконечные толпы народа день и ночь шли, шли и шли туда в зал, чтобы в последний раз взглянуть на того, кого они так любили. Десятки кино-операторов накидывались на это бесконечное шествие и при треске сильных рефлекторов снимали наиболее значительные моменты. Мне казалось, что в эту съемку надо было внести известный порядок и снимать наиболее политически ценные сюжеты. Мне казалось, что необходимо запечатлеть, как рабочие, съехавшиеся со всех концов нашего Союза, в демонстративных группах, подавленные и удрученные, подходили к гробу своего вождя. Как отдельные делегации, проникнутые той или другой объединяющей идеей, становились на почетный караул около гроба, как они возлагали венки и медленно шествовали далее. Удалось запечатлеть на ленте многое и многое весьма важное, исторически ценное. К сожалению, эта лента до сего времени полностью никогда не была напечатана и никому не была показана, а вместе с тем она является безусловно ценным историческим документом, связанным с последними минутами прощания народа и боевого пролетариата с Владимиром Ильичем. В этой же ленте запечатлены моменты рытья могилы Владимиру Ильичу на Красной площади.

— Не идет Владимир Ильич в землю, — говорили рабочие, все время натываясь на громадные камни, и казалось, что нет никакой возможности здесь вскопать почву для могилы и выложить

склеп. И мы ночью, осветив прожекторами Красную площадь, стали взрывать это место динамитом вызвав подрывные артиллерийские команды во главе с опытными специалистами. Работа была тяжелая, опасная и феерически красивая.

Кино-операторы не щадили себя, пользуясь искусственным светом огромнейших прожекторов, снимали и снимали эти зловещие, торжественные моменты последнего пути к вечной могиле Владимира Ильича, входя с аппаратами в зону взрывов, рискуя быть засыпанными глыбами земли и камнями!

Во всех своих беседах и исканиях по поводу кино Владимир Ильич дал нам определенные заветы в этой области, требуя от всех участников этого дела самой тщательной подготовки картин, с глубоким продумыванием их сюжетов, при чем он в одном из своих распоряжений говорил, что «картины пропагандистского воспитательного характера надо давать на просмотр старым марксистам». Этим самым он явно желал вырвать из кино-лент всю ту мещанскую пошлость и другую дребедень, которыми так постоянно наполняют и пичкают кино-ленты, все более и более развращая вкус многотысячных зрителей.

Конечно, надо как можно дальше уходить от скуки. Конечно, необходимо внести в кино не только науку, не только искусство, не только производство/но и юмор, но и смех, но и животрепещущие сцены комедии и драмы, но все это должно быть направлено к одной, единственной цели: к борьбе за новый быт, за новые нравы, за лучшее будущее, за науку и искусство, за твердую мощь пролетарской борьбы нашего периода стальной диктатуры пролетариата, и я думаю, что кино должно исполнить эти заветы Владимира Ильича. Я думаю, что пора пересмотреть весь тот репертуар, который господствует у нас и до сих пор в кино-театрах. Совершенно неумолимо следует выкинуть раз и навсегда вон, что совершенно не нужно нашему рабочему государству, что противно духу пролетарской идеологии. Нужно выявить и отразить все те великие сдвиги во всех областях человеческого знания, искусства и борьбы, которыми так богата современная нам новая эпоха человеческого бытия.

И это мы должны сделать и в кино во чтобы то ни стало.

